

Последняя...

ПОСЛЕДНЯЯ... Самая волнующая по замыслу и самая глубокая по содержанию.

Наивысшая по симфоническому мастерству.

«Наискреннейшая» из всех «музыкальных исповедей» Чайковского.

«В симфонию эту я вложил, без преувеличения, всю мою душу», — сказал Петр Ильич.

Он мог бы сказать: «Всю мою жизнь»...

Ибо эта симфония, при всей своей философской общности, предельно лична. Это почти «автобиография». Это история человеческой души, как ее понимал, чувствовал, переживал сам Чайковский.

Применяя к Чайковскому высказывание В. И. Ленина о противоречиях в творчестве Льва Толстого, можно сказать: то, что композитору казалось «субъективностью», в действительности было «отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху».

«Русское искусство тех лет ознаменовалось ростом скорбных, трагических жизнеощущений».

Это — время «Крейцеровой сонаты» и «Палаты № 6».

В эти годы Левитан создает свои лирические, овеянные печалью пейзажи.

Молодой Рахманинов пишет сумрачную симфоническую поэму «Утес»...

К этим годам относится и последняя — «Патетическая» симфония Чайковского.

Неугасимым, глубоко человеческим стремлением к любви, к свету, к радостной полноте бытия порождены в конечном счете (при всем их различии) и симфонические фантазии Чайковского — «Ромео и Джульетта», «Франческа да Римини», и последняя его опера, его ликующе-солнечная «Иоланта», и самое скорбное из его произведений — его гениальная Шестая.

Идея непримиримой борьбы между добром и злом, между светом и мраком, между жизнью и смертью проходит в том или ином преломлении через все творчество Чайковского.

Сила человеческой любви разрушает злые чары волшебника Ротбарта («Лебединое озеро») и феи Карабос («Спящая красавица»). Человеческая верность и преданность побеждают Мышиного царя и его фантастическое ночное воинство («Щелкунчик»).

Искренняя страстная жажда жизни и счастья прозревшая слепорожденная Иоланта.

Гибнут Лиза и Герман, но не зловещим лейтмотивом «трех карт», а светлой темой человеческой любви заканчивает Чайковский «Пиковую даму».

Охваченный тяжелым раздумьем над человеческими судьбами, Чайковский решает ту же лирико-философскую проблему в ином — трагическом аспекте в Шестой симфонии. С потрясающим реализмом, с бесстрашной правдивостью воплощает композитор общечеловеческие чувства и думы, в той или иной мере знакомые всем людям: страстное искание счастья, творческую жажду деятельности, мечты и воспоминания, жизненную борьбу, поглощающую все силы, и, наконец, самую смерть человеческую...

В СУБВОТУ, 16 октября 1893 года...

Старая, сохранившаяся в клинском архиве афиша сообщает, что первое в начинающемся сезоне симфоническое собрание Петербургского отделения Русского музыкального общества состоится при участии пианистки Аус-дер-Оэ и под управлением П. И. Чайковского.

В программе концерта значились произведения Моцарта, Листа, Лароша, Чайковского. Открывалась про-

грамма новинкой сезона — Шестой симфонией.

В день концерта зал дворянского собрания был переполнен публикой до отказа. Весь музыкальный Петербург был в сборе.

Наконец Чайковский занял свое дирижерское место, взял палочку, поднял руку...

...И вот уже сумрачный фагот запевает свою глухую, суровую тему, в низких регистрах оркестра рождается

«Эта симфония есть высшее, несравненное сочинение Чайковского. Еще никогда в музыке не было написано что-нибудь подобное и никогда еще не были выражены с такой несравненной талантливостью и красотой такие глубокие сферы душевной жизни».

В. В. СТАСОВ.

«ползучий» мрачный мотив интродукции.

Будто в полусне, будто из темной глубины звучаний выплывает неясная, неотступно тяжелая дума: вот оно, «мучительное рождение мысли», «затаенное возникновение целого мира души человеческой».

Душа человеческая как бы стремится «вырваться из оков навстречу манящему призраку — мечте»... И вот, внезапно вырвавшись, торжественно взвизгивает ввысь, словно острый луч пламени, стремительный пассаж первых скрипок!

Но ненадолго: грозное «рычание» контрабасов и фанфара валторн тотчас «осаживают» этот взлет души.

Однако не смирилась душа, уже захваченная, завоженная зовами жизни... Едва утихло глухое бормотание виолончелей, едва замерли в тишищем аккорде тромбоны и туба, как в наступившей тишине у скрипок и альтов, приглушенных сурдинами, расцветает вторая тема — певучая и светлая, одна из самых простых и самых обаятельных мелодий Чайковского.

Чем-то сродни прославленной теме любви из «Пиковой дамы», но с оттенком какой-то усталой нежности, эта тема словно подымается из самой глубины человеческого сердца, как сладостное воспоминание.

Но постепенно гаснет и никнет в нисходящем движении темы восторженный лирический порыв — светлое видение счастья словно опять отодвигается в невозвратную даль... Еще слышны аккорды струнных, тихий ронот литавр, но фагот уже допекает печально последние отголоски, темы... Тишина...

«Что должен был перестрадать человек, чтобы написать подобную вещь! И какими простыми средствами он достигает такой глубины и искренности чувств».

М. А. БАЛАКРЕВ.

Вдруг — оглушительный удар! Яростный сокрушающий аккорд всего оркестра! Еще один... Еще!

Перед потрясенной душой возникает неумолимое «видение смерти»: в густом и мрачном звучании меди, в хоральных аккордах тромбонов проходит заубойный напев («Со святыми упокой»).

И тотчас же в страстном протестующем порыве, в иступленном отчаянии взлетают вверх голоса ужаснувшихся скрипок!

Мучительная внутренняя борьба завершается тишиной оркестровой паузы: душа изнемогла!

Еще раз светлым роем проходят перед ней воспоминания, еще раз допекает кларнет свою грустную жалобу; в шорохах литавр затихают последние отголоски отшумевшей жизненной бури...

Медленным мерным маршем, построенным на отрывистых щипках всей струнной группы, заканчивается первая часть симфонии.

КАКАЯ еще нужна тут словесная программа? Без слов, средствами самой музыки она, в сущности, уже изложена в первой части симфонии, последующим частям предстоит лишь расширить и углубить эту музыкальную повесть о человеческой жизни.

...Широко и доверчиво льется сердечная, напевная мелодия виолончелей,

Кажется, все, о чем недавно мечтали покоющие скрипки: юность, первые радости, счастье любви, — вот он, этот большой и ласковый мир, мир воплощения грез, светлая весна души человеческой!

Грациозным вальсом развертывается вторая часть симфонии.

Лишь иногда на мгновение в изящном, легком узоре музыкальной ткани проглянут какие-то нотки шемящей печали, предчувствия ранних разочарований...

Еще длится светлое кружение танца, но это уже не жизнь, это только воспоминание...

«Волна сдержанных стонаний то прибывает, то убывает»... Тема вальса поглощает жалобы, то снова уносится вдале.

Как «все потемнело вокруг»!.. Смутным и легким видением исчезает мир светлых мечтаний, «мир созерцаемый»...

И на смену ему идет другой: мир суровой жизненной борьбы, «мир нападающий». Так определяет один из комментаторов Шестой симфонии содержание знаменитого скерцо третьей части.

Быть может, знакомый образ «рока» на этот раз принял новое обличье какого-то фантастического ночного наваждения? В вихревом полетном движении оркестра как будто надвигается некая тайная, темная, враждебная человеку сила.

Но человек не смиряется перед ней — он встречает ее лицом к лицу! Сначала робко у гобоя, потом смелее — у скрипок и, наконец, полным голосом в партии кларнетов звучит мужественная, великолепная тема «марша в торжественно-ликующем роде» (так определил ее сам композитор).

...Это музыка битвы!.. В этой борьбе, пусть даже неравной, раскрывается пафос человеческой воли и «мечта о героическом взлете становится действительным».

Такова третья часть симфонии, до предела насыщенная могучей силой жизни.

...И вот уже все позади: мечты и воспоминания, стремления, надежды, борьба...

В трагическом финале Шестой симфонии воплощен «потрясающе-правдивый образ расставания с жизнью... предельно-душевная и простая тоска перехода от всего к ничему».

Совсем «по-человечески» плачет скрипки, виолончели, валторны...

Невыразимым трепетом жизни проникнута великая печаль умирания!.. Пусть безысходна скорбь, но в нее словно перелит весь пламень жизни, вся страстность человеческих чувств. Пусть нет уже сил для борьбы, но нет и смирения в этой изнеможенной человеческой душе.

В стонаниях всего оркестра, в безутешных жалобах скрипок, в этих взбегающих вверх хроматических взрывах рыдания слышатся все тот же непримиримый протест, то же страстное неприятие смерти...

Но час пробил!.. Его возвещает сдержанный удар там-тама в оркестре.

Морем слез, великим надгробным плачем разлилась скорбная нисходящая тема финала. Все ниже, все глубже звучит она на фоне еле слышимых биений контрабасов. И, наконец, замирает где-то у виолончелей, как бы погружаясь в тишину забвения, в безмолвную ночь небытия...

ЧАЙКОВСКИЙ медленно опустил руки...

Он не положил палочку на дирижерский пульт, не обернулся лицом к залу — неподвижно продолжал он стоять на эстраде, опустив голову, словно забывшись, задумавшись о чем-то глубоком.

Ни хлопка, ни возгласа... Никто не поднялся с места, никто не заспешил к выходу...

Лишь когда Чайковский, словно очнувшись, поднял голову и поклонился оркестру, слушатели опомнились, спохватились, раздались аплодисменты — сначала нерешительные, потом все горячее, горячее... Так начала свой путь Шестая симфония.